

чанию», — просто послали их на печать, и к нашему общему изумлению моя «четвертинка» оказалась на вид заметно качественнее (в «полиграфическом» смысле) Игоревой «целой». Мы не стали докапываться до причин феномена, тем более что их могло сойтись сразу несколько разных: от разницы в «стеклах» до чуть дрогнувшей руки, — однако приняли к сведению (я и прежде это замечал), что разрешение исходника и качество отпечатка, во всяком случае, когда речь заходит о печати на струйных принтерах, связаны между собой очень и очень относительно. Сверхумный алгоритм печати таких принтеров (разных, конечно, в разной степени) способен с избытком покрывать недостатки разрешения. Ведь если поделить полторы тысячи... ну, тысячу шестьсот точек горизонтали моей «четвертинки» на 23 с хвостиком дюймов ширины бумаги, то получится комическое для профессиональной полиграфии разрешение — менее 70 dpi! При том, что даже в не особо глянцевого журнала от фотографов требуют не менее 300! Тут же, наверное, вполне кстати будет заметить, что разрешение последних моделей эпсоновских принтеров доходит до невероятных в полиграфии и не использующихся там 5760 dpi (у 3800-го оно, правда, вдвое меньше), причем, если ту же самую 68-дипийную фотографию на том же принтере напечатать с пониженным разрешением, разница будет видна на глаз.

Дело в том, что если в полиграфическом производстве точки на дюйм ровно их и означают, причем там используется растровый принцип печати, когда любая точка (клеточка) изображения составляется из нескольких подклеточек, каждая — своего тона, то в печати струйной dpi обозначают, скорее, попугаев, потому что там куда главнее размер капли, ее насыщенность, правильный подбор для каждой капли пропорции чернил, количество чернилниц, технология изготовления этих чернил, качество и свойства бумаги и, наконец, — и, возможно, главное! — алгоритм пересчета картинка в капельки: в последних принтерных драйверах Epson вообще исключил настройку dpi, оставив за пользователем только выбор качества. Ну сами посудите: как бы тесно ни умели — технологически — ложиться капельки одна рядом с другой, они и перекрывать одна другую могут, и накладываться одна на другую, и сталкиваться в воздухе, и впитываться в бумагу с той или иной скоростью. Короче, когда мы имеем дело со струйной печатью, смотреть на dpi — глупо и смешно, надо смотреть только на результаты.

Главный прорыв в сторону художества на принтерном поле сделал, кажется, тот же Epson (раньше качественные художественные снимки можно было печатать, кроме полиграфии, только на сублимационных принтерах, профессиональные варианты которых стоили дороже десяти тысяч долларов, а любительские давали результаты довольно посредственные), выпустив чуть ли не с десятком лет назад Stylus Photo с шестью чернилницами, вместо обычных тогда четырех, СМΥΚ (Cyan, Magenta, Yellow и полирующий все black: черный цвет в любой полиграфии,

хоть теоретически должен получаться от сложения стопроцентных основных цветных, таковым никогда не бывает, и потому приходится покрывать его поверху еще и чистым черным): добавились светлый Cyan и светлая же Magenta. Это позволило передавать светлые места картинке не редким разбросом темных капелек, которые всегда были заметны на глаз, а густым — светлых. Но таким способом не решалась задача точной черно-белой печати: ее светлые места все равно складывались из разноцветных точек, (иначе снова получился бы массив черных

«С приходом цифры исчез уникальный материальный носитель запечатленного мгновения»

капелек), и добиться абсолютной монохромности было, если и возможно, чрезвычайно трудно. Тогда в дело пошли еще две чернилницы: серая и светло-серая (50 и 25 процентов черного). Потом стали разделять черные чернилницы на гляцевую и матовую. Потом к водяным чернилам прибавились еще и синтетические, которые после печати, полимеризируясь, покрывали картинку ламинирующим слоем: на мой вкус, правда, эти чернила чуть огрубляют акварельность некоторых снимков, зато другим прибавляют парадности и праздничности. Последняя принтерная новинка от Epson, Stylus Photo R1900, не прекращает ряд вечных экспериментов в стремлении к совершенству: в ней добавлена еще одна чернилница, прозрачная, ламинирующая, чтобы чисто белые области снимков, не покрытые никакими чернилами, не выглядели серыми пятнами при взгляде вскользь, а светлая Magenta и светлый Cyan заменены на несколько парадоксальные оранжевый и красный, что, по мнению производителей, расширяет красное цветовой пространство и уточняет печать человеческой кожи. Коротко говоря, сегодня у Epson можно найти принтер на любой вкус и практически с любым разумным количеством и набором чернилниц. Конкуренты, конечно, тоже не спят, но я как-то с самых первых моделей прикипел к Epson так прочно, что серьезно за конкурентами не слежу, а когда все-таки их встречаю, всякий раз убеждаюсь, что в области тонкой, художественной, печати обойти Epson им пока что не удалось — разве что отчасти сравнятся.

Впрочем, оставим технологические тонкости ради парочки сравнительно концептуальных мыслей. О том, нужны ли на современном hi-tech уровне, — когда дисплеи становятся все больше размерами, все качественнее и, главное, все дешевле, — «твердые копии» вообще. Если уж совсем концептуально, то они перестали быть нужными в тот момент, когда вы перешли с пленки на цифру. С приходом цифры из фотографии исчез уникальный материальный носитель запечатленного мгновения или композиции — негатив или слайд, отпечатки с которых, как бы ни были они поставлены на поток, все равно носили оттенок авторства,

как разные отпечатки гравюр с одной доски. Однако чисто практически, да еще и по сегодняшнему уровню технической оснащенности что квартир, что клубов, что выставочных залов, — «твердые копии» все еще бывают очень даже удобны. Устроить выставку. Повесить дома на стенку. Подарить приятелю, родственнику или девушке (юноше). Однако уже сегодня более или менее приличная цифровая рамка элементарно дает более простой доступ к вашим фотоархивам, чем хранение их в бумажном виде в десятках и сотнях альбомчиков, которые и де-

вать непонятно куда, и найти в них, что надо, трудно, да и выбрать время, чтобы их просмотреть или показать, с каждым днем становится сложнее. Уже сегодня редко кто предпочтет послать фотку в конверте, а не через e-mail. Конечно, если у меня по случаю лежит под диваном (а где еще? — тесно!) два-три десятка собственноручно отпечатанных фотографий в формате А3+, приготовленные к выставке, я предпочту показать гостю именно их, а не девятнадцатидюймовый экран моего монитора (следующие, не отпечатанные, все равно буду показывать на мониторе), но если бы у меня висела на стене приличного качества 36-дюймовая панель, то, наверное, я предпочел бы ее. Думаю, что и большинство галерейщиков предпочли бы для устройства фотовыставок длинный ряд подобных устройств, — жаль только, что сегодня они еще слишком несовершенны в отображении картинок (куда менее совершенны хороших отпечатков на хорошей бумаге) и дороги — в таком количестве — даже для галерейщиков.

Впрочем, играя с разными бумагами (а тот же Epson выпускает десятки разных их вариантов: от сияюще-глянцево-белой до шершаво-акварельной, тесненной и даже холщовой), можно добиться такого эффекта, какого не добьешься даже и на идеальном дисплее, даже с наложением специальных фильтров. Но, похоже, что это вопрос не столько принципа, сколько времени: как угодно и на чем угодно ни отпечатай снимок, все равно от этого отпечатка у зрителя не возникнет ощущения прикосновения к оригиналу, которое еще возникало на старых, «серебряных», выставках. Ибо оригинал не материален, но эфемерен: череда ноликов и единиц, одинаковых хоть на флешке, хоть на CD, хоть даже, если угодно, переписанная от руки в тетрадку.

Войдя в новый век увлеченными цифровыми технологиями, которые и впрямь сильно расширяют наши художественные возможности и упрощают жизнь, мы должны быть готовыми к тому, что вот, совсем скоро, художественные идеи полностью и навсегда расстанутся с традиционными материальными их носителями. Заметьте: я не оцениваю, плохо это или хорошо, я констатирую положение дел. **Евгений Козловский**